

ЗАГАДКИ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА

ДИНАСТИЯ ПТОЛЕМЕЕВ

Эдвин Бивен

После смерти Александра Македонского
его империя была разделена между полководцами.
Египет достался Птолемею, впоследствии
прозванному Сотером — спасителем

Загадки Древнего Египта

Эдвин Бивен

**Династия Птолемеев. История
Египта в эпоху эллинизма**

«Центрполиграф»

УДК 94(32)
ББК 63.3(0)31

Бивен Э.

Династия Птолемеев. История Египта в эпоху эллинизма /
Э. Бивен — «Центрполиграф», — (Загадки Древнего Египта)

ISBN 978-5-9524-4974-9

Книга Эдвина Бивена посвящена истории эллинистического Египта от времени его завоевания Александром Македонским до превращения в римскую провинцию. Сопоставляя данные античных источников и более поздней научной литературы, созданной на основе новых открытий, авторитетный британский историк создает достоверную картину политического, административного и экономического устройства Египта. Автор отмечает его культурное и религиозное своеобразие, соблюдая хронологию, анализирует историю царствования династии Птолемеев, события и итоги их правления, характер и личные взаимоотношения, а также место Египта среди других государств и его участие в международной жизни. В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 94(32)
ББК 63.3(0)31

ISBN 978-5-9524-4974-9

© Бивен Э.
© Центрполиграф

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	9
Глава 2	19
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Эдвин Бивен
Династия Птолемеев. История
Египта в эпоху эллинизма

Edwyn Bevan

THE HOUSE OF PTOLEMY

a history of egypt under the ptolemaic dynasty

© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2011

Предисловие

С тех пор как вышли книги Магаффи «История Египта при династии Птолемеев», исследования и наука не стояли на месте, был обнаружен ряд новых источников (папирусы и надписи). Труда Магаффи уже недостаточно для того, чтобы дать читателю представление об известных фактах истории эллинистического Египта и точках зрения различных авторитетных исследователей на различные ее аспекты. Поэтому господа из издательства «Метуэн» сочли целесообразным исправить или переписать том IV «Истории Египта», написанной сэром Флиндерсом Питри, таким образом, чтобы он больше соответствовал теперешнему уровню знаний. Так как доктора Магаффи больше нет с нами и он не может переделать свою работу, они вручили его книгу мне с просьбой либо внести в нее изменения и дополнения, либо написать другую книгу, которая заменила бы ее в этой исторической серии. Почти сразу же стало понятно, что и речи быть не может о том, чтобы вставлять написанные мной фрагменты в текст Магаффи. Стиль Магаффи настолько свеж и своеобразен, что внесение в него дополнений будет подобно вживлению в тело инородных тканей, которые будут им отторжены. Я не видел иной возможности, как только заново написать всю историю по-своему, время от времени приводя фразы и абзацы из книги Магаффи там, где они представляются уместными; эти цитаты стоят в кавычках и подписаны литерой М в скобках. Одним из преимуществ этого варианта было то, что таким образом мой новый том не будет выглядеть так, будто с его помощью я старался отодвинуть Магаффи на второй план. Труд Магаффи по-прежнему сохраняет самостоятельную ценность для изучающих историю державы Птолемеев. Если в свете недавних открытий его утверждения и предположения часто можно отвергнуть, то замечания его энергичного и здравого ума, живая манера представления, пожалуй, и еще через двенадцать лет, когда и мой труд будет таким же устаревшим, как труд Магаффи сейчас, побудят интересующихся обратиться к его «Истории», и не напрасно. При написании своей книги я посчитал нужным отметить те пункты, в которых Магаффи явно ошибался. Из-за этого у некоторых читателей может сложиться впечатление, что автор настоящего труда стремится поймать своего предшественника на слове, чего у меня и в мыслях не было. Если я чаще ссылаюсь на работу Магаффи для ее исправления, чем для выражения признательности, то только потому, что верю в способность читателя самостоятельно определить, где Магаффи прав, и предупреждаю его лишь в тех случаях, где, как показали новейшие исследования, Магаффи ошибался. Ни один человек, занимающийся этой темой, не может не понимать, насколько весь ученый мир сегодня должен быть обязан тому стимулу, который поколение назад придали изучению эллинистической эпохи яркий ум Магаффи и его обширная эрудиция в разнообразных областях.

Те, кого в наши дни привлекает история эллинистического Египта, могут взять за основу своих изысканий великолепный труд Буше-Леклерка «История Лагидов» (*Histoire des Lagides*) в четырех томах (1903–1906), который по некоторым пунктам дополняет его же изданная позднее «История Селевкидов» (*Histoire des Séleucides*) (1913–1914). В незаменимой работе Буше-Леклерка собраны данные о результатах исследований двух великих эллинистических держав, которые проводились вплоть до времени написания его книги. Автор сопровождает их прекрасными критическими рассуждениями, а кроме того, будучи литератором, унаследовавшим традиции французской исторической прозы, он рассказывает историю так, что читать его труд – не тяжкая обязанность, а истинное наслаждение. Что же касается такой отдельной области, как папирусы и те сведения, которые они дают нам о жизни и государственном строе Египта при Птолемах, то основным руководством для знатоков данной темы являются «Основы и хрестоматия» (*Grundzüge und Chrestomathie*) Вилькена и Миттейса – в первом томе, написанном Вилькеном, содержится общий обзор папирологии и рассказ о государственном управлении при Птолемах, во втором томе Миттейс рассматривает законодательство и

судопроизводство. Ульрих Вилькен, один из великих ученых, подаренных миру Германией в наше время, рассуждает обо всем, что касается папирологических исследований, обладая при этом авторитетом, которого удостоены лишь немногие. В настоящее время он публикует многотомное издание египетских папирусов, датированных периодом эллинизма и сгруппированных в хронологическом порядке (*Urkunde der Ptolemäerzeit*), представляющее собой труд всей его жизни, посвященной изучению этой темы. В книге Макса Л. Штрака «Династия Птолемеев» (*Die Dynastie der Ptolemäer*, 1897) собраны данные по хронологии этого периода, насколько они были исследованы двадцать девять лет назад. Подробное рассмотрение хронологии эпохи эллинизма по-прежнему не обходится без ссылок на эту книгу. Штрак является одним из европейских ученых, погибших в Первой мировой войне. Все важнейшие греческие надписи эллинистического Египта, известные двадцать один год назад, собраны Диттенбергером в «Восточных греческих надписях» (*Orientis Graecae Inscriptiones*). Один из самых заметных вкладов, внесенных в папирологические исследования в последние годы, – это «Введение в папиологию» (*Einführung in die Papyruskunde*) Шубарта (1918); его же «История Египта от Александра до Мухаммеда» (*Geschichte Ägyptens von Alexander bis Mohammed*, 1922) представляет собой хорошо написанный и красочный рассказ для широкой публики, лишенный ссылок и примечаний. Бессмысленно пытаться перечислить здесь всех остальных ученых, живущих в наше время, которые занимались изданием найденных недавно папирусов и изучали различные аспекты истории эллинистического Египта; читатели, желающие получить полный обзор папирологической литературы, могут посмотреть библиографию в «Основах» или «Введении» Шубарта, а также пополнить список более поздними публикациями из обзоров мистера Х.И. Белла в «Журнале египетской археологии». В дополнение можно отметить, что активная работа ведется в рамках итальянской школы папирологических исследований, с которой связаны имена многих известных молодых ученых, притом что Италия лишь недавно потеряла маститого автора Джакомо Лумброзо, чья книга «Исследования политической экономики Египта при Лагидах» (*Recherches sur l'économie politique de l'Égypte sous les Lagides*) опубликована еще в 1870 году; что Россия представлена выдающимся ученым Михаилом Ростовцевым, изгнанником, живущим вдали от родины, поскольку страна, где всем заправляют большевики, не может быть домом для людей такого рода; что Америка достойно представлена издателем папирусов Зенона К.К. Эдгаром и что, наконец, никем не превзойден вклад Англии в папиологию в виде подробных изданий папирусов, выполненных сэром Фредериком Кеньоном, Б.П. Гренфеллом, С. Хантом, Дж. Г. Смайли и Х.И. Беллом.

Следует также обратить внимание на нумерацию поздних Птолемеев. В древности царей одной династии с одинаковыми именами обычно не называли по номерам, как это делаем мы: Эдуард VII и т. п. Приписанные разным Птолемеям римские цифры являются изобретением ученых Новейшего времени, и вы увидите, что моя нумерация отличается от принятой Магаффи. Предполагаемого старшего брата Птолемея Филометора Магаффи называет Птолемеем VI, а сына Птолемея Филометора – Птолемеем VIII. Однако место в династии двух неправивших мальчиков-царей – Птолемея Евпатора и Филопатора Неоса – очень спорно; и я согласен с Буше-Леклерком в том, что целесообразно не включать их в нумерацию и вернуться к прежнему порядку, где Филометор был Птолемеем VI, а Эвер-гет II – Птолемеем VII. Между прочим, это согласуется и с древней нумерацией; ибо, хотя греки обычно и не называли Эвергета II «седьмым», греческие авторы иногда действительно упоминают о нем как о седьмом из Птолемеев (*Страбон*. XVII. С. 795; *Афиней*, IV.184В; V.252Е; XII.549D).

Мне остается только выразить признательность всем, кто мне помогал, и в первую очередь главному редактору «Истории Египта» сэру Флиндерсу Питри за те исчерпывающие ответы, которые он давал мне, когда я обращался к нему за консультацией, и внимание, с которым он прочел мою довольно беспорядочную рукопись. Сделанные им предложения и критические замечания можно проследить во множестве сносок. В своих трудах, на которые я буду

ссылаться, сэр Флиндерс Питри привел ценные сведения об организации общества и управления в фараоновском Египте. Детальное рассмотрение вопроса о том, насколько птолемеевская система соответствовала древней фараоновской, а там, где сходство очевидно, насколько оно обусловлено заимствованием, а насколько потребностями жизни Египта либо деспотическим режимом, в рамках которого независимо друг от друга формируются одинаковые институты, лежит за пределами этого небольшого труда. Будет достаточно отослать тех, кто желает разобраться в этой теме, к работе сэра Флиндерса Питри, который авторитетно изложил обычаи и установления Египта во времена фараонов. Историю Египта на протяжении тысячелетий, в течение которых он сохранял самобытную культуру под властью фараонов туземных династий, и его последующей борьбы за независимость с Персией, тщетной в конечном итоге, сэр Флиндерс Питри изложил в трех предыдущих томах этой серии. Мой том является продолжением написанных им и начинается с рассказа о том, как персы отступили перед македонцами. Повествование в нем доводится до момента, когда македонцы потерпели поражение от римлян. По некоторым вопросам, связанным с иероглифическими надписями, неоценимую помощь мне оказал мистер С.Р.К. Глэнвилл, с которым я советовался во время отсутствия сэра Флиндерса Питри. Мистеру Х.И. Беллу я признателен за предоставленные мне разнообразные новейшие публикации, которые еще недоступны в читальном зале Британского музея. Я особенно благодарен мистеру Г.Ф. Хиллу не только за советы касательно монет, но и за то, что специально для меня были изготовлены новые гипсовые отливки некоторых из них, чтобы улучшить качество фотографий. И наконец, я не могу не поблагодарить мою дочь за ее помощь в подготовке алфавитного указателя.

Э. Б.

Глава 1

Александр Великий

Осенью 332 года до н. э. армия македонян и греков числом около 40 тысяч воинов вторглась в Египет. Ее вел молодой царь Македонии Александр, который за два года до того выступил в поход на громадную Персидскую империю в качестве главнокомандующего войсками эллинских государств. Прежде чем достигнуть Египта, он разбил собранную персидскими сатрапами армию у реки Граник в Малой Азии и войско самого великого царя Дария при Иссе на сирийском побережье. К осени 332 года до н. э. персидская держава исчезла с приморских земель Восточного Средиземноморья, за исключением Египта. Там еще правил сатрап Мазак от имени великого царя (вероятно, в качестве заместителя сатрапа Савака, оставившего Египет, чтобы соединиться с царем Дарием на Иссе). Александр должен был овладеть Египтом и, возможно, расположенной западнее Киреной, прежде чем отправиться в страны Востока, так как его враги были еще сильны на море, а у Александра не было флота, чтобы противостоять им. Единственный способ для него обеспечить себе базу состоял в том, чтобы овладеть всеми портами Восточного Средиземноморья и оставить вражеские флоты без возможности где-либо встать на ремонт или запастись провизией. Так и вышло, что армия ионийцев, как египтяне называли греков (на древнегреческом *ιαones*, на персидском *yavana*, на иврите *yavan*), вступила на древнюю землю фараонов.

Греческие воины не были совершенно незнакомы египтянам. Во времена Геродота, за век до вторжения Александра, египтяне смотрели на греков сверху вниз как на нечистых чужеземцев, но тем временем они начали освободительную борьбу против персов, в которой египетские цари получили в помощь войска, присланные греческими государствами; египтяне и греки сражались плечом к плечу с общим врагом. Всего за десять лет до прихода Александра последний фараон, чье египетское имя греки восприняли как Нектанеб, был свергнут, и персидское правление было восстановлено. Поэтому египтяне увидели в войске Александра, слава об удивительных победах которого опережала его, могущественных друзей и освободителей¹. Борьба с Персией продолжалась; египтяне с греками по-прежнему оставались союзниками. В то время едва ли египтяне могли понимать, что на этот раз ионийцы пришли в Египет не союзниками, а хозяевами. Они прибыли в Египет, чтобы утвердиться там более прочно и править им дольше, чем персы. После предыдущих иноземных вторжений гиксосов и прочих Египет раз за разом в конце концов возвращал себе свободу и устанавливал новые династии фараонов из своего народа, сохранив с незапамятных времен древние народные традиции в государственном строе, культуре и языке; но теперь уже никогда, до скончания времен, на берегах Нила не будет править фараон египетской крови. С приходом Александра Египет на тысячу лет покорится чужеземным правителям эллинистической цивилизации, македонянам и римлянам, а в конце тысячелетия Египет, ставший частью исламского мира, будет совсем другой страной, с другим языком, другим общественным строем, другой религией. Боги, которым тысячелетиями поклонялись жившие на египетской земле, будут навсегда забыты и занесены пылью.

Египтяне, приветствовавшие в 332 году до н. э. Александра как освободителя, не предполагали, что такой исход возможен. Персидская власть в стране рухнула без сопротивления. Персидский гарнизон был достаточно силен, чтобы сокрушить греческого авантюриста Аминту, который сражался на стороне персов при Иссе и после битвы вторгся в Египет с 8 тысячами человек; возможно, египтяне в конечном счете обернулись против него из-за грабе-

¹ Оху. I.12, столбец iv: Ὀλυμπιάδι ἑκατοστῇ δωδεκάτῃ . . . ταύτης κατὰ τὸ πρῶτον ἔτος Ἀλέξανδρος ὁ Φιλίππου Τύρον εἴλεν· καὶ Αἴγυπτον παρέλαβε ἑκουσίως αὐτὸν προδεξαμένων τῶν ἐγχωρίων διὰ τὸ πρὸς Πέρσας ἔχθρον.

жей². Но и речи не могло быть о том, чтобы сопротивляться армии Александра. Тогдашний сатрап Мазак приказал городам Египта, начиная с Пелусия, открыть ворота перед завоевателем. Оставив в Пелусии гарнизон, Александр двинулся по восточному рукаву Нила сначала в Гелиополь, потом в Мемфис. Согласно Курцию Руфу, Мазак доставил Александру в Мемфис 800 талантов и ценности из царского дома. Македонец вошел во дворец фараонов как царь. Согласно «Истории Александра Великого», написанной в Египте, вероятно, в III веке н. э., Александр даже был коронован в мемфисском храме Птаха по примеру древних фараонов. Магаффи полагал, что это утверждение – та из немногочисленных составляющих легенды, в которых отразился исторический факт. Возможно, оно и верно, но нужно помнить, что целью «Истории» отчасти было польстить национальным чувствам египтян и представить Александра истинным наследником исконных царей страны. Автор придумал или пересказал историю о том, что на самом деле Александр приходился сыном Нектанебу, который, будучи магом, принял форму змеи, чтобы вступить в связь с женой царя Филиппа Македонского. Похоже что его рассказ о ритуале восшествия на трон в Мемфисе придуман с той же целью.

Однако есть серьезные основания полагать, что Александр действительно оказывал явные почести местным богам. Его поведение коренным образом отличалось от характерного для персидских завоевателей, вызвавших всенародное негодование убийством священного быка Аписа. По прибытии в Мемфис Александр приказал принести жертвы священному быку и другим местным божествам. Религия персов, как и религия евреев, заставляла их с презрением смотреть на идолопоклонство иных народов; но греки, как бы высоко они ни ставили свою культуру в сравнении с варварской, испытывали странное благоговение перед лицом такой древней традиции, как египетская. Греки всегда считали Египет страной чудес. Поэмы Гомера, знакомые с детства, связывали Египет с давно прошедшей эпохой героев. Немыслимая древность, грандиозные памятники и храмы исполинских размеров, исстари сохраняемый уклад жизни, загадочный и диковинный во многих своих чертах, необычность и очарование страны, питаемой таинственным Нилом, – все это формировало в сознании греков уникальный образ Египта. И вот они оказались в этой чудесной стране, среди колонн и пальмовых рощ, в земле, которая для их отцов всегда была чем-то странным и далеким, как и сами ее обитатели. Александр принес жертвы египетским богам, но не забыл, что является поборником эллинской культуры. Он также устроил в Мемфисе гимнастическое и музыкальное празднество по греческому обычаю. В соревнованиях приняли участие некоторые прославленные музыканты и актеры греческого мира. Как они оказались в нужный момент в этом месте, во многих милях вверх по течению Нила? Низе, защищавший точку зрения, согласно которой их наверняка пригласили заранее, предположил: их присутствие в Египте служило доказательством того, что Александр договорился с Мазаксом о капитуляции Египта еще до начала вторжения. Магаффи же полагал: греческие актеры приехали в Египет на всякий случай и, может быть, устроили «небольшой артистический сезон в Навкратисе среди греческих друзей», чтобы быть готовыми к тому, что они могут понадобиться Александру. Можно строить какие угодно предположения, но наверняка мы этого никогда не узнаем.

Одно из важнейших свершений Александра в Египте – основание Александрии. Летом 332 года до н. э. Александр занял и разрушил Тир, крупный портовый город Восточного Средиземноморья. Возможно, он хотел заложить в Египте новый город-порт – «македонский Тир», – который занял бы место захваченного Тира³. Он выбрал место примерно в сорока милях от старого греческого города Навкратиса, сообщавшегося с внутренними землями через канопский рукав Нила.

² Πολυπραγμονῶν τι Ἀμύντας ἀποθνήσκει ὑπὸ τῶν ἐγχεριῶν (Арриан, II.13.3).

³ Hogarth D.G. Alexander in Egypt, J.E.A. II (1915). P. 55.

«Что касается местонахождения города, то внимание часто обращалось на то, почему на роль мировой столицы был выбран никудашный египетский городишко Ракотис. Канопское устье Нила давно обслуживало сравнительно небольшой объем морской торговли с чужестранным Левантом, которую до той поры вел Египет. Из других устьев только Пелусийское могло пропустить судно крупнее рыбацкой лодки. Даже Канопское устье преграждала опасная отмель. Если торговые корабли могли войти в него, тем не менее оно не было удобной гаванью для македонских военных эскадр, которым предстояло отныне удерживать Левант. Вход, выход, условия на берегу, не способствовавшие ни здоровью, ни безопасности, – все говорило против этого устья. Но в Ракотисе, на несколько миль западнее, Александр нашел сухой известковый участок, возвышающийся над уровнем дельты, недалеко от ответвлявшегося от Нила судоходного канала, являвшегося в то же время источником питьевой воды, куда лишь в незначительных количествах попадал канопский ил, который от мыса Абукир вода несет в море. Кроме того, он прикрыт островом, который, если соединить его с материком при помощи дамбы, создал бы дублирующие гавани на случай морских ветров, откуда бы они ни подули. Это было одно из мест в Египте, подходящих для безопасного открытого порта, куда могли бы входить македонские морские суда и особенно боевые корабли, у которых в ту эпоху уже начали увеличиваться грузоподъемность и осадка»⁴.

Страбон дает нам понять, что на месте основания города, когда туда прибыл Александр, находился только рыбацкий поселок. «Впрочем, прежние цари египтян, довольствуясь тем, что они имели, и совершенно не нуждаясь во ввозных товарах, были враждебно настроены против всех мореплавателей, в особенности же против греков (потому что те в силу скудости своей земли были грабителями, алчными на чужое добро); они установили охрану на этом месте, приказав ей задерживать всех, кто приближался к острову. Местопребыванием этой стражи цари назначили так называемую Ракотиду, которая в настоящее время представляет часть города Александрии, расположенную над верфями, но в те времена это было селение; окрестности этого селения они отдали пастухам, которые также могли воспрепятствовать нападению чужеземцев»⁵. «Пастухи» (βοῦκόλοι) – дикое и грозное племя, сами разбойники в своем роде, если верить сочинению Гелиодора.

Примерно в миле перед участком, на котором остановил выбор Александр, лежал остров, называемый греками Фаросом, длиной около трех миль, составленный из остатков былой гряды отдельных островов. Гомер говорил, что в это место приплывают тюлени полежать на берегу, и утверждал, что это хорошая гавань. Высказывалось предположение, что в то время, когда Александр осматривал побережье, Фарос был всего лишь обиталищем местных рыбаков, и именно Александр и его преемники из династии Птолемеев первыми создали там крупный порт мировой торговли. Однако недавние изыскания Гастона Жонде, главного инженера управления портов и маяков Египта, поставили перед исторической наукой новую задачу. Он обнаружил под водой остатки крупных и массивных портовых построек, молов и причалов, в отдельных местах выступающих на четверть мили за пределы того, что в древности было островом Фа-рос; и вопрос о том, были ли они частью греческой Александрии или сооружениями более древней эпохи, заброшенными и обратившимися в руины задолго до того, как этим путем прошел Александр, до сих пор не снят. Сам господин Жонде склонен думать, что затонувшую гавань построил великий Рамсес для обороны от морских пиратов. «Использована колоссальная масса материала, как и во всех сооружениях фараонов; наверняка его транспортировка и сами работы представляли большую трудность, чем доставка камней для строительства великих пирамид»⁶. Французский ученый Реймон Вайль выдвинул теорию о том, что упо-

⁴ Там же.

⁵ Страбон. География. Кн. XVII. М., 1964.

⁶ Gaston Jondet. Les Ports submergés de l'ancienne Ile de Pharos (Mémoires présentés à l'Institut Egyptien, vol. IX, Cairo, 1916).

мянутые сооружения – это остатки сооружений, построенных по приказу правителя критской морской державы второго тысячелетия до н. э., которая в то или иное время, как он полагает, владела этим участком египетского побережья⁷. Мне представляется, что разумнее всего не торопиться с выводами до тех пор, пока они не будут изучены подробнее. Как бы то ни было, затопление этих построек произошло из-за внезапного затопления почвы в этом районе, причиной которого стала либо сейсмическая активность, либо простое оседание аллювиальной почвы⁸.

За время, истекшее с греко-римской эпохи, уровень александрийской почвы понизился в среднем как минимум на 7 1/2 фута, и, видимо, остатки города Александра и Птолемея теперь в основном похоронены под слоем воды⁹. Из-за этого археологам труднее, чем когда-либо, реконструировать картину древней Александрии. Мы знаем, что Александр спроектировал город по регулярному прямоугольному плану, который за столетие до того вошел в моду при строительстве городов с подачи Гипподама Милетского. Александр пригласил архитектора Динократа, который, согласно «Истории Александра Великого», был родосцем¹⁰. Город в том виде, как он его спланировал, тянулся вдоль перешейка между озером Мареотида (Марьют) и морем. Праздник основания города отмечался в 25-й день месяца тибхи, то есть настоящая церемония основания должна была состояться примерно 20 января 331 года до н. э. Впоследствии сложилось предание о том, что архитекторы разметили на земле план города белой мукой, взятой из довольствия воинов, и в том, что случилось потом, увидели предзнаменование будущего величия города; правда, до нас дошли две противоречащие друг другу версии этой истории¹¹.

Первоначально население Александрии, видимо, состояло из македонцев и греков; нам неизвестно, каким образом Александр собрал семьи, образовавшие первое ядро. Позднее большую часть городских жителей составили коренные египтяне, хотя они и не принадлежали к привилегированным гражданам. История, о которой мы поговорим чуть ниже, рассказывает, что множеству египтян из соседнего Канопы пришлось переселиться в новый город. Несколько поколений спустя значительную долю населения Александрии составил еврейский элемент, однако утверждение Иосифа Флавия, будто бы Александр особенно поощрял переселение евреев в Александрию и давал им права граждан, весьма сомнительно. У Александра не было причин интересоваться евреями больше других. В те дни они не были тем, чем стали впоследствии, – народом, который теснейшим образом связан с торговлей и финансами. «Мы не народ торговцев», – мог еще написать Иосиф Флавий в I веке н. э. (Против Апиона. I. § 60).

Еще одно примечательное событие, помимо основания Александрии, связанное с зимним пребыванием Александра в Египте, – это его поездка в храм Аммона – так греки называли Амона – в оазисе, который теперь носит название Сива. Во-первых, с этим связана одна проблема: почему Александр решил предпринять дальнейшее путешествие через пустыню «к одино-

⁷ *Les Ports antéhelléniques de la côte d'Alexandrie, et l'empire Crétois*, Bull. De l'Institut français d'archéologie orientale (1919), т. XVI.

⁸ Сэр Флиндерс Питри пишет мне: «Затопленная гавань вполне может оказаться эллинистической. Там произошла большая осадка. Катакомба находится в 9 футах под водой, а она должна была располагаться намного выше уровня моря для защиты от сырости, скажем в 15 футах и выше. Однако и это еще не все; берег опустился еще на 20 футов, а потом поднялся, как Путтолы, до теперешнего уровня».

⁹ *Brescia. Alexandria ad Aegyptum*. P. 66, 67.

¹⁰ Витрувий называет его македонянином, но в вопросах местной истории Александрии «История» является более достоверным источником.

¹¹ По одной версии (Арриан, Страбон), архитекторы собирались разметить линии, как обычно, светлым песком, но его не хватило, и тогда они взяли белой муки у воинов. Предзнаменование заключалось в том, что они неожиданно взяли муку. По другой версии той же истории (*Курций Руф*. История Александра Великого), архитекторы с самого начала решили размечать линии мукой; это было в обычае у македонцев при закладке городов (Курций Руф) – что, как мы видим, несовместимо с первым вариантом предания, – и знамение состояло в том, что слетелись птицы и склевали муку. В первом варианте птицы совсем не упоминаются.

получил свои сведения о Сиве от киренцев, которые там бывали¹³. И это может разрешить еще одну проблему, связанную с путешествием Александра, а именно почему он отправился в Сиву через Паретоний, а не через Нитрийскую пустыню – более прямым путем из Египта, как указывает Магаффи. Хогарт предполагает, что Александр оказался в Паретонии, так как шел из Египта, чтобы овладеть Киреной, но, когда его встретили киренские послы, доставившие Александру несколько сотен великолепных лошадей в знак покорности их города, он решил не продолжать путь и вместо этого отправился в глубь страны в святилище Аммона. Однако ни один античный автор не упоминает о походе на Кирену. Даже рассказа о киренских послых нельзя найти у Арриана, и возможно, он восходит к Клитарху, у которого Диодор и Курций Руф в основном черпали информацию, а это недостоверный источник. Магаффи до такой степени поверил в это утверждение, что предположил, будто киренские послы действительно встретили Александра; однако он полагал, что они предложили ему не лошадей, а проводников до Сивы¹⁴.

Как повествуют все античные авторы, поход в Сиву через пустынные пески сопровождался различными чудесными событиями. Прошел необычный в тех местах ливень, облегчив жажду, мучившую спутников Александра. Два ворона летели перед караваном, показывая им дорогу, скрытую сыпучими песками. Две змеи проползли перед ними и «издали возглас». Доподлинно известно, что об этих происшествиях рассказывали люди, действительно бывшие с Александром на Востоке. Самое поразительное – с двумя змеями – было описано Птолемеем, сыном Лага, который, если сам и не участвовал в походе (нам неизвестно, сопровождал он Александра или нет), то, во всяком случае, на протяжении многих лет должен был находиться в ежедневном контакте с людьми, которые там были; и мы знаем, что рассказы Птолемея об Александре, как правило, отличаются здравомыслием и достоверностью. У этих историй на самом деле есть очень простое разумное объяснение. Дожди еще случаются в этом районе, хотя и редко. Воронов и змей не так уж сложно встретить в пустыне; а группа всадников, бредущих по безлюдным местам, испугает любое встречное животное – естественно, что те бежали перед наступающим караваном¹⁵.

Более-менее верную картину того, что представлял собой оазис оракула Аммона в те дни, можно составить из сопоставления рассказов древних авторов (самый полный отчет можно найти у Диодора, XVII.50) с данными о современной Сиве¹⁶. В двух милях друг от друга две главные деревни – Сива и Агхурми, – жмутся на двух одиноких каменистых холмах, которые возвышаются над окружающей гладью пальмовых рощ и оливковых садов. Остатки храма Амона находятся в Агхурми. Под холмом, в нескольких сотнях метров южнее, расположены развалины другого храма, поменьше (местные жители в наши дни называют это место Умм-Убейда). Как говорят, развалины свидетельствуют о том, что оба храма были перестроены в правление персов в Египте. Что касается храма Амона, то «рядом с древним Источником Солнца еще можно различить линию стены из квадратных камней, образующую прямоугольный двор примерно 50 на 48 ярдов. Сам храм состоял из нескольких дворов и залов с колон-

¹³ Киренец Феодор у Платона (Политик, 257В) называет Аммона «нашим богом».

¹⁴ В связи с поездкой Александра Магаффи создал одну несуществующую проблему. Он пишет: «Интереснее отметить, что ни в одном из источников не говорится об использовании верблюдов в этом походе» – и объясняет это странное умолчание гипотезой, согласно которой верблюды еще не были одомашнены в Египте. Он проглядел место у Курция Руфа, IV.7.12: «*Aqua etiam defecerat, quam utribus camelii veherant*» («Не хватало уже и воды, которую везли в мехах *верблюды*»).

¹⁵ Масперо передает рассказ путешественника XIX века Бейла Сент-Джона, побывавшего в Сиве в 1847 году, о странном совпадении. Он и его спутники на какое-то время сбились с дороги в пустыне. «В этом напряженном состоянии мы увидели *двух воронов*, которые недолго покружили в воздухе, а потом полетели *на юго-запад*. Если бы мы жили в суверный век, то сочли бы это достаточным указанием и последовали бы за нашими любезными проводниками, быть может, потомками тех птиц, которые в схожих обстоятельствах и, согласно преданию, очень близко от места, в которое мы прибыли, избавили Александра Великого от ужасов бездорожной пустыни. *Если бы мы вняли предзнаменованию, мы не ошиблись бы*; но мы не поддались советам фантазии и стали ждать возвращения Вахсы (проводника), который определенно исправил свою ошибку наилучшим способом» (Maspero. *Adventures in the Libyan Desert*, 1849. P. 69).

¹⁶ См.: C. D. Belgrave. *Siwah* (1923).

нами и без них, теперь полностью разрушенных; дальше, в конце главного четырехугольного двора, находилось святилище. Два помещения, прилегавшие когда-то к нему, исчезли, и едва-едва можно разглядеть место, где находились врата, которые вели в него; но от входа в само святилище и от передней его части остались значительные фрагменты. Это был зал длиной примерно 30 футов, шириной от 10 до 13 футов, выложенный огромными блоками, из которых несколько до сих пор стоят на своих местах, украшенные не меньше чем тремя рядами надписей и рисунков... Там, во тьме, обитал Амон, и его священная барка покоилась на алтаре или, скорее, на кубе из камня или дерева в центре зала. Античные историки рассказывают, что барка была сделана из «золота»; это значит, что она была из дерева, обшитого золотыми листами. По-видимому, в длину она была короче святилища примерно на 7–8 футов. Можно представить ее себе, глядя на рельефы Луксора и Карнака, где изображены барки фиванского Амона с тонким и высоким силуэтом, носом и кормой, украшенными бараньей головой, экипажем из богов, грузами из фигур, их *наосами* под белыми вуалями, хранящими изображение бога в своих непрочных стенах. Как сообщает Каллисфен, изображение украшала масса изумрудов и других драгоценных камней. Надо представить его себе в виде такого составного идола, какие упоминаются, например, в Дендере, тело которого изготавливалось из разных материалов и обычно скреплялось воедино на каркасе из дерева или бронзы. Вышеупомянутые изумруды конечно же не то, что мы называем изумрудами, а те или иные из многочисленных камней, которые египтяне называли общим термином *мафкат*, – в основном зеленый полевой шпат, предок изумруда, активно использовавшийся в Саисский период¹⁷. Как и все статуи оракулов, эта тоже была сконструирована таким образом, чтобы иметь возможность совершать ограниченное количество жестов, двигать головой, взмахивать руками. Жрец тянул за веревку, заставляя изваяние двигаться, и изрекал пророчество. Все знали об этом, но никто не обвинял его в мошенничестве. Жрец был орудием в руках бога – бессознательным орудием. В какой-то миг дух охватывал его; он шевелил статуей и собственными губами; он отдавал свои руки и голос, но именно бог повелевал его действиями и вдохновлял его речи»¹⁸.

Что же касается пребывания Александра в святилище Амона, то Каллисфен рассказывает следующее: «Жрецы разрешили только одному царю войти в храм в обычной одежде; остальные же должны были переодеться (кроме Александра) и слушать изречения оракула, находясь вне храма, и только он – из храма. Ответы оракула давались не словами, как в Дельфах и у Бранхидов, но большей частью кивками и знаками... причем прорицатель принимал на себя роль Зевса (то есть Амона. – *Авт.*). Однако прорицатель в точных выражениях сказал царю, что он – сын Зевса»¹⁹.

В более поздних вариантах рассказа, дошедших до нас через Клитарха, он был расширен и приукрашен. В них Александр спрашивает, дарует ли ему бог, его отец, всю землю во владение, и получает ответ, что бог непременно так и сделает. Затем он спрашивает, понесли ли наказание замешанные в убийстве его отца Филиппа, и оракул восклицает, что вопрос этот нечестив, потому что его отцу, богу, невозможно навредить. Эти новые подробности могут быть следствием развития мифа об Александре, возникшего еще до его смерти. С другой стороны, когда Александр объяснял полученными от Амона указаниями причину того, что в Индии он принес жертвы отдельной группе богов²⁰, кажется вполне определенным, что такое повеление ему действительно дал оракул. По-прежнему остается неразрешенным вопрос, когда были получены указания: во время того исторического визита Александра в святилище или

¹⁷ Сэр Флиндерс Питри пишет: «*Мафкат* – это только малахит; *мафкат нешау*, «несовершенный мафкат», – зеленый шпат; изумруд был неизвестен до греческих времен, так же как и «предок изумруда», или берилл».

¹⁸ *Maspero. Etudes de Mythologie et d'Archéologie Egyptiennes. V. VI (1912). P. 271.*

¹⁹ *Страбон*, XVII. С. 814.

²⁰ *Арриан*, VI.19.4.

позднее через посланцев, так как мы знаем в связи с обожествлением Гефестиона, что Александр и впоследствии продолжал советоваться с богом через посланцев.

У нас нет причин сомневаться, что жрецы Амона действительно приветствовали Александра как сына верховного божества. Однако теперь считается, что это было общепринятым обычаем для всех царей Египта²¹. Каждый фараон со второго тысячелетия до н. э. официально был сыном Амона-Ра. Согласно установленной формуле, Амон даровал своим царственным сыновьям «головам всех живущих», «все страны, все народы», «все земли до самого круговращения солнца». Возможно, Тарн прав, считая, что Александр не проходил «ритуала», если под этим понимать конкретную церемонию коронации, обычную для фараонов, но он, очевидно, не мог советоваться с оракулом, не пройдя через тот или иной обряд; и такой ритуал, во время которого жрецы Амона приветствовали того, кто приходил к ним в качестве царя Египта, почти наверняка должен был включать в себя объявление царствующего фараона происходящим от божественного отца и обладающим всемирным господством.

Примечательно не то, что египетские жрецы назвали Александра сыном Амона, а то, что именно за это высказывание ухватились греки и, вероятно, сам Александр, который со всей серьезностью утверждал это перед всем миром. Александр «продолжал», как пишет Хогарт²², быть сыном Амона «в странах, к которым Амон не имел никакого отношения... Неясно, имелись ли в обычной практике центральноазиатских религий какие-либо средства или прецеденты, почти такие же буквальные и убедительные, как в практике египетской религии, установления сыновне-отцовской связи между смертным правителем и верховным божеством²³. Но достоверно известно одно: все время, пока приверженцам Александра его божественное происхождение служило для оказания ему почестей во время похода, а его критикам из греков и других народов – для осмеяния, его отцом неизменно выступал Амон. После смерти Александра его обожествление, поддерживаемое его преемниками в собственных же целях, и в Малой Азии, и в Сирии, и в Вавилоне от начала до конца было связано с египетским, а не каким-либо иным азиатским пантеоном. В интересах греков и проэллинических правителей он иногда появлялся на монетах с атрибутами героя, например Геракла; но если его изображали в виде полноценного бога, то бараньи рога Амона обязательно выглядывали среди его прекрасных волос... Именно в роли Зуль Карнейна, Двурогого, он попал из доисламского фольклора в Коран и оттуда снова в псевдоисторию половины Азии и большей части Африки. Эти-то факты, более чем какие-либо иные свидетельства, склоняют меня к мысли, что Александр сам настаивал на своем происхождении от Амона после отъезда из Египта и с большим или меньшим успехом устанавливал свой культ везде, куда бы ни шел».

По словам Птолемея, из Сивы Александр со спутниками вернулся в Египет, направившись прямым путем через Нитрийскую пустыню в Мемфис. Аристокл утверждает, что он вернулся, как и шел, через Паретоний, но Птолемей в этом вопросе обладает большим авторитетом. В Мемфисе Александр принял посольства от греческих государств и подкрепления из Македонии. Дети египетской земли снова увидели проявление культуры ее новых господ в великом музыкально-гимнастическом празднестве. Приносились жертвы Зевсу-царю, конечно же по эллинскому обычаю. Однако мы знаем, что этот бог с греческим именем и греческими ритуалами в некотором роде отождествлялся греками с египетским Амоном, сыном которого Александр только что был объявлен.

Весной 331 года до н. э. – с возвращения Александра из Сивы не могло пройти больше месяца или двух – он покинул Египет, отправившись в поход против персидского царя, находившегося в Месопотамии. Мертвому телу Александра суждено было однажды вернуться в

²¹ См.: W.W. Tarn in *Journal of Hellenic Studies*, XLI (1921). P. 2.

²² J.E.A. II (1915). P. 38.

²³ По-видимому, персы не считали (хотя Эсхил полагал, что считали) великого царя богом или сыном бога.

Египет, но сам он уже туда не возвратился. По всей вероятности, он почти не видел нильской долины выше Мемфиса, хотя македонцам удалось занять территорию по крайней мере до первого порога, ибо мы читаем о том, как Александр приказывает доставить Аполлонида Хиосского (грека, перешедшего на сторону персов и захваченного войском Александра) в Элефантину для содержания под стражей²⁴.

Александр оставил Египет четко организованной провинцией новой македонской империи. «Египет он устроил таким образом: назначил в Египте двух номархов²⁵ египтян, Долоаспа и Петисия²⁶, и между ними и поделил египетскую землю. Когда Петисий отказался от своей должности, Долоасп принял всю власть. Фрурархами он назначил «друзей» (*phrūrarchoi tōn hetairōn*): в Мемфисе Панталеонта из Пидны, в Пелусии Полемона, Мегаклова сына, из Пеллы. Командовать чужеземцами он поставил этолийца Ликида, «писцом» (*grammateus*) у них Эвгноста, Ксенофантова сына, одного из «друзей» (*hetairoi*), а «наблюдателями» (*episkopoi*) Эсхила и Ефиппа, сына Халкидея. Правление соседней Ливией он поручил Аполлонию, сыну Харина, а управление Аравией, прилегающей к Героополю, Клеомену из Навкратиса. Ему было приказано оставить (местных) номархов управлять их номами по их собственным обычаям, как установлено исстари; ему же собирать с них подати, которые им велено было вносить. Стратегами в войске, которое оставалось в Египте, он назначил Певкеста, сына Макартата, и Балакра, сына Аминты (двух своих самых знатных македонян), навархом же Полемона, сына Ферамена... Говорят, что Александр разделил власть над Египтом между многими людьми, восхищаясь природой этой страны, которая представляла собой естественную крепость: поэтому он и счел небезопасным вручить управление всем Египтом одному человеку»²⁷.

Перед нами краткий очерк организации, описать которую подробно у нас нет возможности. Ей суждено было просуществовать очень недолго. Еще в дни Александра эффективное управление страной, видимо, вскоре было сосредоточено в руках одного человека, грека Клеомена из Навкратиса, ставшего гражданином новой Александрии, и, по всей вероятности, введенная Александром система перестала действовать, если даже не была полностью отменена. Когда преемники Александра из династии Птолемеев изобрели новую систему, она была основана на других принципах. Насколько можно видеть по короткому изложению у Арриана, установленный Александром принцип устройства подразумевал тщательный контроль. Даже верховное военное командование разделено между Певкестом и Балакром. Клеомен принимает налоги, но их сбором занимаются местные номархи. Высокое положение, отведенное в Александровой системе двум коренным египтянам, – деталь, которая вновь появилась в правление последних Птолемеев. Видимо, Клеомену не хватило ума использовать свои возможности управления финансами, чтобы добиться для себя реальной власти. Такое впечатление, что в греческом мире он вскоре приобрел репутацию человека бесчестного и лихоимца. В Афинах он стал непопулярен из-за того, что вследствие принятых им мер взлетели цены на зерно²⁸. Примеры его крутых мер при сборе налогов можно найти в труде по экономике, который (ошибочно) приписывают Аристотелю.

«Александриец Клеомен, будучи сатрапом Египта, когда возник голод, в других местах сильный, в Египте умеренный, запретил вывоз хлеба. Так как номархи заявляли, что нельзя будет внести платежей из-за запрета вывозить хлеб, вывоз он разрешил, но обложил хлеб боль-

²⁴ Арриан, III.2.7.

²⁵ Можно усомниться в правоте Арриана, называющего номархами людей, чья власть простиралась над всем Нижним и Верхним Египтом. См.: *Holwein*. Musée Belge, XXVIII (1924). P. 125 и дальше.

²⁶ «В греческом тексте дается форма «Петисий», но в папирусах часто встречается более полный вариант, который переводится как «дар Исиды» – по существу, это греческое имя Исидор. Имя Долоасп неизвестно мне как египетское и, вероятно, является персидским» (*Флиндерс Питри*).

²⁷ Арриан, III.5. (Пер. с лат. М.Е. Сергеевко.)

²⁸ Демосфен. Против Дионисодора.

шой пошлиной, таким образом и ему удалось получать – если не те же платежи от номархов, то от хлеба, вывозимого в небольшом количестве, – большую пошлину, и у них [номархов] не было уже оснований для отговорок. Когда он переплывал тот ном, божеством которого является крокодил, был похищен один из его рабов. Тогда он, созвав жрецов, заявил, что, подвергшись нападению первым, он намерен покарать крокодилов, и дал предписание охотиться на них. Жрецы, чтобы божество их не подверглось оскорблению, собрав сколько смогли золота, отдали ему, и тогда он отступился. Когда царь Александр поручил ему заселить город около Фароса (Александрию. – *Авт.*), а торговый порт, находившийся прежде в Канобе, сделать там, он, прибыв в Каноб, заявил жрецам и тем, кто владел там имуществом, что явился с тем, чтобы переселить их. Жрецы и жители, внося деньги, отдали ему, чтобы он оставил торговый порт у них на месте. Получив их, он тогда уехал, но потом, вернувшись, когда у него уже было готово все, что касалось устройства, стал требовать у них денег в чрезмерном размере: эта сумма, по его словам, составляет для него разницу в том, чтобы торговый порт был здесь, а не там. Так как они сказали, что едва ли смогут дать, он переселил их... Когда хлеб в стране продавался по десяти драхм, он созвал поставщиков (τοὺς ἐργαζομένους) и спросил их, как они желают поставлять ему; они ответили, что за меньшую цену, чем продавали купцам. Тогда он велел купцам передать ему за столько, за сколько они продавали другим, а сам, установив цену на хлеб в тридцать две драхмы, так и продавал. (Видимо, это означает, что он избавился от посредников, и таким образом всю прибыль государству принес сам. – *М.*) Созвав жрецов, он заявил, что в стране делаются большие расходы на храмы, поэтому необходимо закрыть некоторые храмы и распустить большую часть жрецов. Тогда жрецы, каждый лично и все сообща, отдали храмовые деньги, так как думали, что он действительно собирается сделать это, а каждый хотел, чтобы и храм его оставался у них, и сам он оставался жрецом»²⁹. (Если этот довод означал, что они либо должны были пожертвовать частью своих владений, либо отдать большую сумму правительству, тогда едва ли кто из тех, кому было известно громадное богатство египетских жрецов, стал бы спорить с Клеоменом. – *М.*)

Насколько Клеомен заслужил дурную репутацию, сказать невозможно. Очень просто путем незначительного искажения фактов представить любые решительные действия фискальной власти как несправедливые и деспотичные, к тому же очевидно, что позднее очернение памяти Клеомена было в интересах Птолемеев. Александр, как мы знаем, не хотел его смещать. Арриан приводит цитату из предполагаемого письма Александра Клеомену, в котором первый сообщает: «Если я найду, что и храмы Гефестиону выстроены хорошо, и жертвы в них совершаются как следует, то я прошу тебе все прежние проступки и в дальнейшем, чтобы ты ни натворил, тебе от меня худого не будет». Но Магаффи указывает, что письмо не может быть подлинным, так как в нем упоминается Фаросский маяк, построенный лишь через много лет после смерти Александра. Конечно, возможно, что Клеомен действительно ухитрился сохранить милость Александра, выказывая рвение в делах, особо заботивших Александра, как, например, развитие Александрии и отправление культа Гефестиона. Стоит заметить, что три-четыре века спустя считалось, что Клеомен тесно связан с основанием Александрии, о чем сказано в «Истории Александра Великого», то есть в местной александрийской традиции.

²⁹ Перевод с древнегреческого Г.А. Тароняна.

Глава 2

Птолемей I Сотер

(сатрап Египта, 323–305 годы до н. э.,
царь Египта, 305–283/82 годы до н. э.)

В июне 323 года до н. э. Александр, создав Македонскую империю на всей территории прежней Персидской державы и за ее границами, внезапно скончался в Вавилоне. Примерно через пять месяцев Птолемей, сын Лага, один из его стратегов, прибыл в Египет в качестве сатрапа, назначенный новым македонским царем Филиппом Арридеем. Новый царь, единокровный брат Александра, был слабоумен, и реальную власть осуществляли великие македонские полководцы, служившие Александру, и главным образом Пердикка, конкретные функции которого, до сих пор неясные современным ученым, вероятно, уже были предметом споров среди самих вождей в запутанной борьбе, начавшейся после внезапной кончины великого завоевателя. Ясно, что Пердикка твердо вознамерился занять место верховного регента империи и что, когда военачальники Александра Македонского собрались в Вавилоне, чтобы распределить между собой сатрапии, он был там самым влиятельным человеком. В тот миг сомнения и смятения Птолемей быстро и уверенно понял, что хочет получить для себя – Египет. Пердикка или совет вождей, выступающий от имени слабоумного царя, дал ему желанное назначение, и Птолемей как можно быстрее постарался убраться на безопасное расстояние от будущей схватки, которую он предвидел. «Должно быть, там не обошлось без сделки между Пердиккой и Птолемеем; ценой Птолемея за признание Пердикки был Египет и наделение Арридея (македонского вождя, а не царя. – *Авт.*) правом организовать похороны»³⁰.

Как утверждает Диодор³¹, среди прочего македонские вожди в Вавилоне договорились о том, что тело Александра должно быть погребено в храме его божественного отца в оазисе Сива. Во всяком случае, Арридею, одному из их числа, было поручено соорудить погребальную повозку и организовать кортеж с беспрецедентным великолепием, и, видимо, Птолемей тут же осознал, что престиж его государства, которое он уже мысленно создал себе в Египте, возрастет безгранично, если оно будет владеть телом великого македонского героя, которое как предмет культа обладало необычайным влиянием на умы людей. Самым естественным местом для погребения Александра были Эги, исконный город македонских царей на родине его династии, и возможно, что сначала возник именно этот вариант, а не погребение в оазисе. Во всяком случае, рано или поздно это стало намерением Пердикки. Но Птолемей его опередил. Когда Пердикка находился в Малой Азии, Арридей, действуя в сговоре с Птолемеем, отправился с погребальным кортежем из Вавилона в Египет. Если перевозить тело в Сиву, то в любом случае пришлось бы (если только не доставлять его в Паретоний по морю) сначала отправиться в Мемфис; видимо, Арридей объявил о том, что направляется в оазис, уже выехав из Вавилона. Птолемей в сопровождении внушительного военного эскорта встретил кортеж в Сирии и завладел телом Александра. Достигнув Мемфиса, он не продолжил путь в оазис. Нам неизвестно, решил ли к тому времени Птолемей, что последним приютом Александра должна стать Александрия. Павсаний сообщает, что тело оставалось в Мемфисе, пока сын Птолемея не переправил его в Александрию примерно сорок лет спустя³².

³⁰ W. W. Tarn. *Journal of Hellenic Studies* XLI (1921). P. 5. Эта статья важна для понимания того, какой пост занимал Пердикка.

³¹ Тарн считает, что утверждение взято у Клитарха и недостоверно.

³² То, что тело было сначала оставлено в Мемфисе, подтверждается фрагментом надписи, вырезанной на куске паросского мрамора (Athen. Mitt., XXII (1897). P. 187).

Диодор³³, Страбон³⁴ и другие античные авторы говорят, что именно первый Птолемей положил тело Александра в *Семе* (Соме) в Александрии, где оно еще находилось и в римские времена. Возможно, это правда, и утверждение Павсания в таком случае объяснялось бы просто тем, что тело несколько лет находилось в Мемфисе, пока гробница в Александрии не была готова его принять. Обычная дорога из Сирии в Александрию, как указывал Магаффи, идет не через дельту, а через Мемфис. Но Павсаний настолько уверенно называет перевозку тела из места его упокоения в Александрию одним из *злodeяний* Птолемея II, что у него должны были иметься для этого веские основания. Как бы то ни было, в нашем распоряжении имеются источники, свидетельствующие о существовании государственного культа, а имена отправлявших его жрецов служили для датировки документов во всему царству при Птолемее I. В двух документах жрецом называется брат царя Менелай, а так как впоследствии эпонимный жрец государственного культа являлся жрецом Александра, то есть вероятность (хотя это и не утверждается), что Мене-лай был жрецом Александра. Если так, то центром культа первоначально мог быть храм-усыпальница Александра в Мемфисе, а затем он был перенесен Птолемеем II в александрийскую Сему³⁵.

Македонский вождь с греческим именем Ptolemaios³⁶, прибывший в Египет в 323 году до н. э. в качестве его нового правителя, был сыном Лага (Лага или Лаага: удлинённая форма имени содержится в папирусе того времени из Элефантины, и, вероятно, это всего лишь греческое La-agos, «вождь народа»)³⁷. Когда династия Птолемея приобрела значительный авторитет во всем мире, его происхождение от непонятного Лаага стало считаться довольно постыдным³⁸. Есть одна злая история о том, как Птолемей спросил у грамматика, кто был отцом Пелопса, – туманное, как всем было известно, место в мифологии, – грамматик ответил так: «Я скажу, если ты сначала скажешь мне, кто был отцом Лага». Юстин в своей живописной манере преувеличивает контраст между сравнительно скромным происхождением Птолемея и его дальнейшим величием, говоря, что Александр возвысил его из рядовых. Это чепуха. Мы, во всяком случае, знаем, что мальчиком Птолемей принадлежал к своего рода пахам (*basilikoi paides*) при дворе Филиппа и был близким другом Александра до его восшествия на престол. Лаг, должно быть, принадлежал к мелкой аристократии Македонии. Мать Птолемея звали Арсиной: официальная генеалогия позднее представляла ее связанной с царским родом, и возможно, не без оснований. В кампаниях Александра Птолемей отличился в качестве командира. Он стал одним из семи телохранителей царя. В Индии он играл особо выдающуюся роль. Насколько нам видна личность Птолемея сквозь туман времени, это был крепкий, чистокровный македонянин с практическим умом, который часто отличает предводителей земледельцев, трезвой осмотрительностью. Он предпочитал заглядывать далеко вперед и действовать наверняка, обеспечив себе надежные преимущества. Для него были характерны нечеловеческая сила, которая заставила его искать наслаждений со многими женщинами, сердечное добродушие, привлекавшее наемников под его знамена со всех греческих земель, – то есть он был человеком скорее крепкой, чем тонкой, телесной и умственной конституции. Однако он не без интереса относился к греческой литературе; молодые македонцы, принадлежавшие к высшему сословию, уже в течение одного или двух поколений учились говорить и читать по-

³³ XVIII. P. 28.

³⁴ XVII. P. 794.

³⁵ Два документа (*O. Rubensohn. Elephantine-Papyri*, 2 Berlin, 1907; *Grenfell and Hunt. The Hibeh Papyri*, 84a, 1906) могут датироваться 301–300 гг. до н. э.; остается неясным, означает ли «пятый год» пятый год правления Птолемея или пятый год после того, как Менелай стал жрецом. См.: *H. I. Bel. Archiv*, VII (1923). P. 27–29, ср.: Plaumann, Pauly-Wissowa, статья Hiereis.

³⁶ От *ptolemos* – эпической формы слова «война», *polemos*.

³⁷ В папирусе из Эль-Хибы, также относящемся к тому времени, мы видим обычную форму Lagos.

³⁸ Цари из династии Птолемеев обычно не назывались Лагидами в древности, хотя наименование Лагид встречается в поэме Феокрита. В наши дни у французских ученых принято называть их les Lagides, Лагиды.

гречески, и Птолемей не только активно старался привлечь к своему двору греческих литераторов, философов и художников, но и сам в качестве автора внес весьма похвальный вклад в греческую историческую литературу. Его перу принадлежит повествование о кампаниях Александра, которое характеризует безыскусная приверженность к фактам и отсутствие риторического красноречия. Таков был этот человек, который прибыл в Египет в качестве сатрапа при царе Филиппе Арридее и его соправителе Александре, младенце, сыне Александра Великого, родившемся уже после его смерти. Птолемию в то время было около сорока четырех лет.

Согласно вавилонским договоренностям, Клеомен должен был остаться у власти в Египте как помощник Птолемея (*gynarch*)³⁹. Клеомен был предан интересам Пердикки, и потому была надежда, что он будет действовать в качестве сдерживающей силы при новом сатрапе. Но как только Птолемей в неподчинение Пердикке завладел телом Александра, между сатрапом и будущим регентом началась открытая война. Клеомен мог сдерживать Птолемея только до тех пор, пока тот боялся открыто порвать с Пердиккой. Теперь разрыв *произошел*; и Птолемей добился того, чтобы Клеомена обвинили в чем-то, осудили на смерть и казнили. Конечно, теперь ему следовало ожидать полномасштабного нападения Пердикки, как только у того будут развязаны руки. Тем временем Птолемей расширил свои владения вдоль африканского побережья, овладев древней греческой колонией Киреной и ее дочерними городами. В дни смуты после смерти Александра в тех местах разразилась гражданская война; одну сторону возглавлял спартанский наемник Фиброн, другую – критянин Мнасикл. Беженцы, принадлежавшие к побежденной стороне, отправились в Египет, чтобы упротить сатрапа вмешаться. Птолемей отправил сухопутные и морские силы под началом олинфянина Офелла, состоявшего у него на службе, которые должны были занять страну, и оба наемника объединили силы для борьбы против него. Офелл разбил их, захватил Фиброна и распял его. Затем, в конце 322 года до н. э., Птолемей лично явился в Кирену, чтобы овладеть ею. Покорение государства столь выдающегося, имевшего более чем вековую традицию республиканской свободы, начиная с падения былой греческой династии ее правителей, македонским вождем произвело громадное впечатление на греческий мир. Киренцы так и не согласились на роль зависимой провинции. В будущем они часто будут не подспорьем македонских царей Египта, а колючкой у них в боку. И все-таки Кирена подарила эллинистическому Египту, как Ирландия Англии, целый перечень блестящих личностей, таких как поэт Каллимах, географ Эратосфен, а также множество воинов. Судя по папирусам, среди воинов-колонистов Фаюма и Верхнего Египта была значительная доля киренцев. А тем временем Птолемей оставил Офелла в Кирене в качестве правителя.

Пердикка напал весной 321 года до н. э. Тогда ясно стала видна вся дальновидность Птолемея, обеспечившего для своей власти хорошо защищенный территориальный базис. Пердикке не удалось перебраться через восточный рукав Нила, и он был убит в собственном же лагере. Птолемей мог бы заступить на его место. Но он знал, что безопаснее быть правителем Египта, чем регентом империи. Осенью 321 года до н. э. победившие вожди, принадлежавшие к партии противников Пердикки, встретились в Трипарадесе, городе где-то на севере Сирии, чтобы снова договориться о разделении власти в империи. Право Птолемея владеть Египтом и Киренаикой было подтверждено.

На протяжении сорока лет последовавшей борьбы между великими македонскими вождями – людьми, научившимися воевать под началом Александра, Птолемей, сын Лага, оставался у себя в африканской провинции в безопасности, как черепаха в панцире, пока армии отправлялись в походы во все концы Азии и флоты соперников бились в Эгейском море. Однако в какой-то степени он все же высовывался из панциря и вмешивался в схватку, ибо правившая Египтом власть теперь была эллинской по характеру и имела разнообразные политические, экономические и культурные связи с другими государствами греческого мира. Из

³⁹ Арриан. События после Александра, I.5; Дексипп. F.H.G. III. С. 668.

Александрии она смотрела на север, в сторону моря, с интересом, которого не мог испытывать ни один прежний египетский фараон. И Птолемей, желая сохранить безопасное место и средоточие власти в стране у Нила, одновременно стремился завладеть некоторыми другими соседними странами, которые словно придатки прилегали к его сатрапии, а также пополнить базу для своих морских сил на островах и левантском побережье. Эллинистический Египет был державой более средиземноморской и менее африканской, чем старый Египет фараонов, которые иногда расширяли свои владения до Судана и дальше. Птолемеев никогда не заботили завоевания в верховьях Нила дальше первого порога. Но Птолемей стремился удержать Южную Сирию, как и фараоны-завоеватели до него, – дополнение к подвластным ему землям на востоке, как Киренаика на западе. Он также хотел овладеть Кипром, как Амасис II в VI веке до н. э., а кроме этого, расширить сферу влияния на греческие Эгейские острова, города на побережье Малой Азии и некоторые области даже в самой Греции. Для этого он должен был вылезти из панциря и рискнуть. Чтобы Египет в новые дни мировой политики и мировой торговли стал сильным и процветающим государством, он не мог оставаться изолированным и самодостаточным. Например, на нильской земле не произрастал высокий корабельный лес, но его доставляли из Ливана и с кипрских холмов. Торговый путь, который шел по Нилу в Александрию и обратно, имел соперника – путь из Персидского залива через Аравию в Газу, и правителю Египта необходимо было контролировать оба.

Поскольку эта книга посвящена больше истории Египта, чем династии Птолемеев, то в ней не будут рассматриваться действия Птолемея и его наследников в войнах и дипломатии как одной из сил греческого мира. Однако следует отметить, насколько превратности мировой политики повлияли на внутреннюю историю Египта. За два года⁴⁰, последовавшие за заключением в Трипарадесе договора, Птолемей овладел Сирией южнее Ливана, страной, которую мы теперь зовем Палестиной, а греки в те дни обычно звали Келесирией («Полой Сирией» – из-за впадины Иорданской долины). Правителем в этой области, согласно договоренностям Трипарадеса, был грек из Амфиполя по имени Лаомедонт. Птолемей попытался сначала выкупить у него страну, а после отказа Лаомедонта занял ее силой. Именно в тот раз, согласно общепринятому мнению, Птолемей захватил Иерусалим в день субботний, когда религия запрещала иудеям оказывать сопротивление⁴¹. Буше-Леклерк считает более вероятным, что это произошло в 312 году до н. э. Однако едва ли возможно, что Птолемей не захватил города этого странного народа (каким они казались грекам), когда расширял владения в Палестине в 320–318 годах до н. э. Когда сатрап Фригии Антигон вернулся из восточных провинций в 316 году до н. э., одержав победу над оставшимися сторонниками Пердикки, он, в свою очередь, стал представлять для своих старых союзников ту же опасность, которую представлял Пердикка. Селевк, сатрап Вавилона, бежал в Египет, и против Антигона был создан новый союз вождей. Тем, что Птолемей занял Келесирию, он, очевидно, дал основание для недовольства любому, кто желал быть хозяином всей империи. В 315 году до н. э. Антигон вторгся в Келесирию, и Птолемей благоразумно отступил – черепаха заползла в панцирь. Антигон захватил города сирийского побережья до самой Газы. Но морской флот Птолемея под командованием Селевка тем временем продолжил войну с Антигоном на море. Птолемей бросил войско на Кипр. Этот остров с его смешанным греко-финикийским населением не был единым. Несколькими областями Кипра управляли независимые царьки. Некоторые из них стояли на стороне Антигона; династы же Сол, Саламина, Пафоса и Китр поддерживали Птолемея. С прибытием войска Птолемея начала устанавливаться его власть на всем острове⁴². Кипр мог пригодиться Птолемею в качестве военно-морской базы в борьбе против Антигона, который теперь владел финикий-

⁴⁰ Надпись на куске паросского мрамора относит завоевание Сирии и Финикии к 319–318 годам до н. э.

⁴¹ *Agatharchides*. F.H.G. III. P. 196.

⁴² Магаффи утверждает, что Птолемей занял Кипр в 320 году до н. э., но, кажется, это ничем не подтверждено.

скими портами на сирийском побережье. В 313 году до н. э. Птолемей, потеряв Келесирию, временно утратил и Кирену. Через девять лет подчинения чужеземному македонскому правителю город взбунтовался и осадил цитадель с египетским гарнизоном. Однако Птолемей сумел послать новое экспедиционное войско, которое подавило восстание в Кирене и снова установило в городе власть египетского наместника Офелла. В тот же год Птолемей лично отправился на Кипр и довершил завоевание острова. Финикийский царевич Кития Пумаййятон (*Pûmauyaton*, Пигмалион), поддерживавший Антигона, был казнен. В 312 году до н. э. Птолемей снова отправился из Египта в Палестину, чтобы нанести удар и вернуть ее под свою власть. Антигон оставил командовать там своего сына Деметрия, в то время юношу двадцати лет. Деметрию суждено было пройти блестящий и полный приключений жизненный путь и прославиться в истории под прозвищем Полиоркет (*Poliorētēs*, Осаждающий), но при встрече весной 312 года до н. э. у границ Палестины с бывалым воином, который сражался под началом Александра, Деметрий потерпел сокрушительное поражение. Битва при Газе отмечает целую эпоху в истории, ибо именно после этого разгрома Деметрия Селевк увидел, что перед ним открылась дорога для возвращения в Вавилон, и зарождение империи Селевкидов в Азии датируется этим годом (312 до н. э.). Во второй раз Птолемей оккупировал Палестину и овладел финикийскими городами⁴³.

Затем судьба совершила неожиданный поворот, как часто бывало в те бурные дни. В 311 году до н. э. Деметрий разбил войско Птолемея в Северной Сирии, и Антигон с севера отправился походом в Палестину. Во второй раз Птолемею пришлось убраться из Палестины в свой черепаший панцирь. Одновременно снова взбунтовалась Кирена, на этот раз не против Офелла, а под его предводительством. Для Птолемея настали нелегкие времена. В 311 году до н. э. он и остальные македонские вожди, его союзники, – правитель Македонии Кассандр и правитель Фракии Лисимах – заключили мир с Антигоном, по условиям которого Птолемей оставлял Келесирию. Это была лишь краткая передышка в длительной борьбе, и вскоре война продолжилась, как прежде. Теперь усилия Птолемея были в основном направлены на установление господства на море. Он потерял Палестину и Финикию, но все еще владел Кипром. Все македонские вожди признавали свою приверженность принципам, выраженным фразой «автономия эллинов», и под этим предлогом каждый из них мог выгнать гарнизон своего противника из любого греческого города, который удерживал противник, и поставить вместо него собственный гарнизон в качестве хранителя свободы этого города. Морской флот Птолемея активно действовал после 311 года до н. э. на побережье Малой Азии, вырывая, где мог, города из-под власти Антигона. Агенты Антигона, с другой стороны, пытались переманить на его сторону династов Кипра. С одним из них им это удалось – или, во всяком случае, Птолемей считал, что удалось, – но неясно⁴⁴, то ли это был Никокл, царь Пафоса (как пишет Диодор), то ли Никокреонт, династ Саламина, выполнявший роль губернатора провинции при Птолемеях, – и правитель был принужден Птолемеями к самоубийству. Несмотря на вражеские происки, Птолемею пока удалось сохранить власть над Кипром. В 308 году до н. э.⁴⁵ он даже высадился с войском в самой Греции и поставил свои гарнизоны в Мегаре, Коринфе и Сикионе. В том же году, изгнав из Андроса гарнизон противника, он сделал первый шаг к установлению своего протектората над Кикладскими островами в Эгейском море, который в последующие годы должен был стать важным фактором в Средиземноморском регионе. Делос, являвшийся политическим центром Кикладского архипелага, очевидно по причине его религиозного значения, Птолемей также вырвал примерно в то же время из-под власти Афин, которым Делос подчи-

⁴³ Буше-Леклерк, как мы видели, считает, что именно в том походе Птолемей захватил Иерусалим в субботний день.

⁴⁴ См.: *Bouché-Leclercq*. I. P. 58, note.

⁴⁵ В феврале 308 года до н. э. царица Береника родила на Косе сына (будущего Птолемея II). *Ernst Meyer*. Untersuchungen z. Chronol. d. Erst. Ptol. (1925). S. 65.

нялся почти два века. В найденной на Делосе описи храмового имущества упоминается ваза с посвящением: «От Птолемея, сына Лага, Афродите». Также вероятно, что в 308 году до н. э. армия под командованием пасынка Птолемея Мага вернула Киренаику: Маг был водворен там в качестве наместника⁴⁶.

В 306 году до н. э. самая основа морской силы Птолемея рухнула под новым ударом. Деметрий со своим флотом напал на Кипр и в морском бою у киприотского Саламина нанес Птолемею столь же суровое поражение, какое Птолемей нанес ему в Газе шестью годами раньше. Брат Птолемея Мене-лай, бывший его наместником на острове, и сын Птолемея Леонтиск – от одной из его многочисленных любовниц – вместе со многими главнокомандующими попали в руки победителя. Деметрий с показным благородством, которое подобало македонским аристократам во время их распрей друг с другом, отправил всех своих знатных пленников к Птолемею без выкупа. Но власти Птолемея на Кипре и его господству на море пришел конец. Шестнадцать лет стремился Птолемей заполучить земли за пределами Африки – Палестину и Кипр – и теперь утратил все. Но у него остались Египет и Кирена. Птолемей по-прежнему оставался полновластным владыкой богатой и густонаселенной страны на Ниле, отрезанной от остального мира пустынными приграничными областями и побережьем, на котором почти не было гаваней. Здесь, несмотря на все невзгоды, он мог ждать, пока судьба повернется снова, надежно укрытый от внешних бурь. Прозорливость Птолемея, с которой он впервые сделал выбор, стала как никогда очевидной.

Теперь его положение в Египте отличалось от того, в котором он находился сразу после прибытия туда в 323 году до н. э. Официально он был сатрапом царей Филиппа Арридея и Александра. Филипп Арридей был убит в 317 году до н. э. по приказу матери Александра Великого, а маленького Александра в 311 году до н. э. убил Кассандр. После этого уже нельзя было делать вид, что существует единая македонская империя. Но соперничающие македонские вожди не стали сразу же после смерти мальчика-царя называть себя царями. Впервые это сделал Антигон в 306 году до н. э. после победы при Саламине. Известные нам письменные источники говорят о том, что Птолемей тут же последовал его примеру, чтобы показать, что поражение не заставило его склонить голову. Однако согласно Александрийскому царскому списку, правление Птолемея как царя началось не раньше ноября 305 года до н. э., и это подтверждается множеством демотических папирусов⁴⁷. До того времени официальные документы в Египте все еще датировались годами правления юного Александра даже после его смерти⁴⁸. Вымысел послужил для того, чтобы заполнить период междуцарствия, пока Птолемей ожидал развития событий, прежде чем определиться, в какой форме он будет править Египтом в этом беспрецедентном международном положении.

⁴⁶ См. разбор дат и критику мнения Белоха в: *W. W. Tarn. Antigonos Gonatas*. P. 449 и дальше.

⁴⁷ Магаффи скептически отнесся к прочтению, предложенному Ревийю, и, возможно, справедливо. Однако в данном случае его вариант, по всей видимости, был принят.

⁴⁸ *Rubensohn. Elephant*. P. 22, 23.

Греко-египетский колосс Александра IV (Карнак), изображение в виде взрослого мужчины, хотя на момент убийства Александру было не больше 11 лет!

Когда сатрапа стали называть царем, возможно, это считалось формальным изменением, не имеющим особой важности. Однако, если верховная власть мальчика в далекой Македонии была вымыслом даже при его жизни, этот вымысел вполне мог оказывать воздействие на умы множества людей, населявших берега Нила. Где-то за правительственным механизмом, который был у них перед глазами, стоял божественный человек, которого по-прежнему наделяли старинными титулами, издавна применявшимися в отношении фараонов: «молодой Хор», «Господин венцов», «Господин всего мира», «Царь Верхнего и Нижнего Египта», «Восторг Амонова сердца», «Избранный Солнцем». А непосредственный правитель, – вероятно, египтяне произносили его имя как Птлумис – был в их глазах могущественным наместником, правившим от имени фараона, как Уна в старину.

Стела с иероглифами, открытая в 1871 году в Каире и датированная летом 311 года до н. э., проливает свет на отношения Птолемея с местным жречеством, в то время когда он еще номинально числился сатрапом при малолетнем царе Александре⁴⁹.

«В год 7-й (то есть в седьмой год мальчика-царя Александра IV, чье царствование формально началось после смерти Филиппа Арридея), в начале разлива, при святости Хора, молодого, богатого силой, Господина Венцов, любящего богов, давших ему достоинство его отца, Хора золотого, Господина всего мира, царя Верхнего и Нижнего Египта, Господина обеих земель, Восторга Амонова сердца, избранного Солнцем, Александра вечно живущего, дружественного богам городов Пе и Теп, пока его Величество, бывший также царем в мире чужеземцев, находился в пределах Азии, в Египте правил великий наместник, и Птолемей было его имя.

Он был человеком с пылом юноши, крепкими руками, мудрым духом, сильным среди людей, крепким смелостью, твердо стоявшим на ногах, отражающим яростных, не обращающим спину, нападающим на противника в лицо посреди битвы. Когда он хватал лук, то не для того, чтобы стрелять (издалека) в нападающего, он сражался мечом; среди битвы никто не мог устоять против него, рука его была столь крепка, что никто не мог отразить ее; слова, вышедшие из его уст, не возвращались назад, не было подобного ему в мире чужеземцев. Он вернул образы богов, найденные в Азии; всю утварь и книги из всех храмов Северного и Южного Египта он вернул на свои места. Он поселился в крепости царя Александра, избранного Солнцем, сына Солнца: Александрией зовется она и стоит на берегу Великого моря ионийцев, Ракоти звалась она прежде. Он собрал многих ионийцев, и конницу, и множество кораблей с их гребцами, и пошел со своим войском на землю сирийцев, которые воевали с ним. Он проник в их землю с великой храбростью, подобный ястребу среди мелких птиц. Захватив их всех вместе, он привез тамошних князей, коней, корабли, предметы искусства в Египет. Потом, вторгшись в область Мермерти (Кирены), он завладел ими всеми сразу и увел в плен мужчин, женщин, лошадей, в отместку за то, что они причинили Египту.

По возвращении в Египет с радостью в сердце от того, что он сделал, он отметил великий день, и этот великий наместник искал наилучшего для богов Верхнего и Нижнего Египта. Затем заговорил с ним тот, кто был на его стороне, и старейшины земли Нижнего Египта сказали так: «Морская земля, земля Патанут ее зовут, была дарована царем, сыном Солнца, Хабабашем⁵⁰, вечно живущим, богам Пе и Тепа после того, как Его Величество отбыл в Пе и Теп, чтобы проверить все тамошние морские земли, чтобы отправиться во внутреннюю часть болот

⁴⁹ В основе данного перевода лежит перевод, который дает Магаффи в своей «Истории», с изменениями согласно французскому варианту, приведенному Буше-Леклерком. Перевод Магаффи местами невразумителен, отчасти из-за опечаток. Также см.: *Wilcken. Zeitschr. f. äg. Spr.* XXXV. S. 81ff.

⁵⁰ Хабабаш – фараон IV века, вставший во главе египтян в борьбе против персов.

и проверить все рукава Нила, который течет в великое море, чтобы отразить флот Азии от Египта. Затем обратился Его Величество (Хабабаш) к тому, который был рядом с ним: «Эта морская земля, дай мне ее узнать». Они сказали пред Его Величеством: «Эта морская земля (зывается она земля Патанут) принадлежала богам Пе и Тепа с незапамятных времен. Враг Ксеркс опрокинул ее и ничего от нее не оставил богам Пе и Тепа». Его Величество велел привести перед ним жрецов и начальников Пе и Тепа. Их поспешно привели к нему. Тогда сказал Его Величество: «Сообщите мне о достоинствах богов Пе и Тепа, что они причинили злодею из-за его злодеяний, видя, что подлый Ксеркс причинил зло Пе и Тепу и забрал их имущество».

Они сказали пред Его Величеством: «Царь наш, владыка Хор, сын Исиды, сын Осириса, царь царей Нижнего Египта, мститель за отца, господин Пе, начало и конец богов, после которого нет царя, изгнал злодея Ксеркса вместе с его старшим сыном, явив себя в городе Нейт, в самом Саисе, в тот день рядом со святой Матерью». Сказал Его Величество: «Этот могущественный бог среди богов, после которого нет царя, он будет путем и законом Моего Величества; в этом я клянусь». Тогда сказали жрецы и начальники Пе и Тепа: «Тогда пусть Твое Величество прикажет даровать морскую землю (зovuщуюся землей Патанут) богам Пе и Тепа вместе с хлебом, питьем, быками, птицами и всем добром. Пусть же возобновление дара будет запечатлено во имя тебя из-за твоей щедрости к богам Пе и Тепа в награду за совершенство твоих деяний».

«Этот великий Наместник сказал: «Пусть будет издан следующий декрет, писанный в канцелярии царского писца по финансам:

«Я, Птолемей, сатрап, возвращаю Хору, мстителю за отца, господину Пе и Буто, госпоже Пе и Тепа, землю Патанут, отныне и навсегда, со всеми ее деревнями, городами и жителями, полями, водами, быками, птицами, стадами, и всем, что в ней производится, как было прежде, вместе со всем, что прибавилось с тех пор, как был сделан дар господином обеих земель, Хабабашем, вечно живущим. Да пройдет ее южная граница по земле города Буто и северному Гермополю до самого места, называемого Наунебу. Да пройдет его северная граница по дюнам на берегу Великого моря. Да пройдет его западная граница по извилинам судоходной реки до самых дюн. Да пройдет его восточная граница по ному Себенниту. Ее телята будут <запасом> для великих Ястребов, быки для спокойствия богини Небтауи, волы для живущих Ястребов, молоко для августейшего Дитяти, птица для Того, кто в Ша-т, чья жизнь в нем самом. Все, производящееся на ее земле, отдается для алтаря самого Хора, господина Пе и Буто, главы Ра-Хармахиса, навеки».

Земля до края ее, данная царем, господином обеих земель, воплощением Татенена, избранным Птахом, сыном Солнца, Хабабашем вечно живущим, пожалование это было возобновлено великим наместником Египта Птолемеем богам Пе и Тепа навечно. В награду за то, что он сделал, пусть будет дана ему победа и сила, как ему пожелается, чтобы в страхе пред ним и впредь пребывали все чужеземные народы, которые живут на сей день. Относительно же земли Патанут, кто бы ни отважился захватить ее, пусть падет на него опала Тех, которые в Пе, и проклятие Тех, которые в Тепе, пусть его коснется огненное дыхание богини Аптауи в день ее ужасов и пусть никогда его сын или дочь не подадут ему воды».

Начиная с 305 года до н. э. сам Птолемей стал царем, верховным божественным властителем египетской земли. Именно его египетские жрецы и писцы теперь наделили титулами древних фараонов. И людей стали постепенно приучать к мысли о том, что именно он был истинным царем с самой смерти Александра Великого. В официальной датировке документов годы его правления после 305 года до н. э. начали отсчитываться не с того момента, когда он впервые принял имя и титул царя, а с 324–323 годов до н. э.⁵¹ Можно представить себе, как греки, жившие в то необычайное время, впервые увидели в Судьбе непредсказуемое божество,

⁵¹ Elephant. 1–4.

способное сыграть самую странную роль в делах людских и сделать так, чтобы человек, в детстве, вероятно, не предвидевший никакой иной жизни, кроме самой естественной для македонского сельского аристократа среди родных ему полей и холмов, в возрасте шестидесяти четырех лет стал египетским фараоном!

После того как в 306 году до н. э. Птолемей утратил все свои владения за пределами Египта, удача снова отвернулась от Антигона. В течение последовавших двух лет его армии натолкнулись на два серьезных препятствия. Во-первых, отобрав у Птолемея Палестину и Кипр, Антигон оказался настолько неблагоразумен, что повторил попытку Пердикки и сам напал на Египет. Для этого он не забыл собрать большое войско из сухопутных и морских сил, которое, как он надеялся, должно было дать ему возможность преодолеть хорошо известные преграды – пустыню между Палестиной и Египтом и Нил, «бессмертную стену» Египта⁵². Сначала армия сосредоточилась в Антигонее в Северной Сирии (после этого Антигонею вытеснила Антиохия) и затем двинулась на Газу (в ноябре 306 года до н. э.) на границе пустыни. По Диодору, она насчитывала более 80 тысяч пехоты, 8 тысяч всадников и 83 индийских слона, и сопровождал ее флот в 150 военных кораблей и 100 грузовых судов под началом Деметрия. (Как показал Магаффи, не стоит слишком доверять цифрам, которые приводят в такой связи древние историки.) В Газе, перед тем как пересечь пустыню, армия взяла запасов на десять дней, кроме того, для сопровождения армии был обеспечен отряд бедуинов на верблюдах со 130 тысячами медимнов хлеба и фуража для лошадей. С точки зрения физических условий Антигону было бы лучше отложить наступление до лета. Зимой Нил разливается, и навигация вдоль берега становится трудной и опасной из-за сильных северо-западных ветров⁵³. Но наличие борьбы за мировое господство, сознание необходимости нанести удар по Птолемею, пока он еще слаб из-за потерь на Кипре, безусловно, не позволили Антигону тянуть с его предприятием. Лучше всего, если Антигон не мог его отложить, было бы вообще отказаться от попытки. В тех обстоятельствах все пошло не так, как было задумано. Флот Деметрия не смог двигаться против ветра; несколько кораблей выбросило на берег у Рафии; сухопутное войско и флот оказались не способны осуществлять взаимодействие, как планировалось.

«Когда объединенные силы прибыли в Пелусий⁵⁴, они увидели, что он защищен со всех сторон; вход с реки блокирован лодками, выше по течению стояли небольшие вооруженные суда, которые должны были помешать любым попыткам переправиться, более того, город был готов посулить захватчикам крупные взятки и хорошие условия службы, если они дезертируют и примкнут к Птолемею. Так как эти обещания свелись к двум минам на рядового и таланту на офицера, то Антигону с трудом и лишь за счет устрашения, когда захваченных дезертиров карали мучительной смертью, удалось избежать конца, подобного тому, который постиг Пердикку. Деметрий, увидев, что войти в Пелусий с любой стороны невозможно, попытался высадиться западнее: сначала в так называемом *pseudostomos*, или ложном устье, где, вероятно, теперь находится озеро Манзала, а затем в Дамьеттском (Фатнитском) устье. В обоих местах он был отбит, после чего его настигла новая буря, разрушившая еще три его самых крупных корабля; с трудом он добрался в лагерь отца, расположенный восточнее входа в Пелусий». (М.)

⁵² Исократ. Бусирис, 12.

⁵³ «Ветер, который так упорно дует с моря вверх по долине Нила в сторону далекой Нубии, обычно называется северным, но на самом деле это северо-западный ветер, как я могу удостовериться на основании внимательного наблюдения в течение двух сезонов. Следовательно, он дул прямо на берег на пути вдоль побережья от Газы до Пелусия». (М.)

⁵⁴ «Этот редко посещаемый участок Пелусия был описан Гревиллом Честером в отчете Фонда исследования Палестины за 1880 год, с. 149. Там есть два телля, или холма, которые местные называют Золотой холм и Серебряный холм, потому что в них найдено было множество монет. Теперь их окружает соленое болото, через которое не может пройти ни один верблюд и которое мистер Честер преодолел с большим трудом, временами проваливаясь в грязь по колено. Видимо, здесь, как и в Александрии, море наступило на берег и превратило нижний уровень города в болото. Но, должно быть, его всегда было легко защитить каналами и плотинами, а также стенами».

Антигону не осталось ничего иного, как только отступить от границ Египта как можно скорее. Миру явилась истинная сила Птолемея даже после всех его поражений и потерь. Антигона ожидало второе препятствие. Деметрий напал на Родос в начале 305 года до н. э. Родос, великое морское и торговое государство, где дух республиканской свободы жил еще несколько веков после Александра, несомненно, имел множество связей с новым крупным торговым центром – Александрией. Родосцы были союзниками Птолемея.

Деметрий осаждал Родос около пятнадцати месяцев в 305–304 годах до н. э., но потерпел неудачу и вынужден был согласиться на компромиссный мир. Своей успешной обороной Родос в большой степени был обязан снабжению и подкреплениям, которые Птолемею время от времени удавалось доставлять в осажденный город.

В 303–302 годах до н. э. Кассандр, Лисимах, Птолемей и Селевк заключили новый союз против Антигона. Селевк ушел в глубь Востока и покорял дальние провинции империи вплоть до самой Индии. Зимой 302/01 года до н. э. он двинулся на запад, чтобы привести на помощь союзникам большой отряд индийских слонов. Птолемей вел осторожную и не отличающуюся блистательностью игру. Единственное, что он сделал, – это снова, в третий раз, оккупировал Келесирию, пока три других царя сосредоточивали силы против Антигона в Малой Азии. Затем пришло известие, что Антигон одержал решающую победу и идет на Сирию. Птолемей тут же, в третий раз, удалился из Келесирии. Но известие оказалось ложным. Победа осталась за тремя царями, именно они нанесли противнику сокрушительное поражение в битве при Ипсе летом 301 года до н. э. Мертвое тело старого Антигона рухнуло на землю.

Победа союзников при Ипсе поставила новый спорный вопрос на политическом поле – палестинский, который не будет снят на протяжении всей последующей истории эллинистического Египта. Согласно договору, заключенному союзниками перед последним боем с Антигоном, Палестина (Келесирия), по-видимому, предназначалась Птолемею в случае победы. Но вполне естественно, что цари, фактически принявшие на себя основную тяжесть битвы при Ипсе, решили, что египетский царь, не явившийся на решающее сражение и поспешно бежавший из Келесирии из-за ложного слуха, лишился права претендовать на что-либо. По новому договору, заключенному царями-победителями после Ипса, Келесирия присоединилась к азиатской империи Селевка. Птолемей отказался признать новый договор; Селевк отказался соблюдать первоначальный договор, считая, что он утратил силу. Так возникла причина для спора между династиями Птолемеев и Селевкидов, который останется нерешенным в течение многих последующих поколений. Как во времена древних фараонов Палестина была спорной областью между владыками, правившими в Месопотамии, и владыками, правившими на Ниле, так будет и дальше, когда место прежних египетских царей займут две македонские династии.

После битвы при Ипсе Птолемей снова занял Келесирию, уже в четвертый раз. «Когда Селевк после раздела Антигонова царства прибыл со своим войском в Финикию и попытался, согласно заключенной договоренности, занять Келесирию, оказалось, что Птолемей уже овладел ее городами. Птолемей жаловался, что Селевк в нарушение старой дружбы согласился на договор, по которому область, находившаяся под властью Птолемея, отходила под его начало. Хотя он [Птолемей] принимал участие в войне против Антигона, цари, возражал он, не дали ему ни единой доли завоеванной земли. На эти упреки Селевк ответил, что вполне справедливо, что землю распределили между собой те, кто бился в бою. Что же до Келесирии, то пока он ради их дружбы не будет предпринимать никаких действий; а позднее он подумает, как лучше всего поступить с друзьями, которые попытались ухватить больше, чем имели на то право»⁵⁵.

⁵⁵ Диодор, XXI. 5.

В годы относительного мира, последовавшего за битвой при Ипсе, три старика, три еще оставшихся в живых спутника Александра – Птолемей, Селевк и Лисимах – вместе с царями второго поколения – Кассандром в Македонии, Пирром в Эпире и Деметрием, пока что скитавшимся, лишенным трона, – вели между собой сложную игру дипломатических интриг, которую теперь невозможно проследить и в которой напряжение между сторонами, дружба и вражда то и дело сменялись друг другом в зависимости от сиюминутных обстоятельств. Напряжение всегда выливалось в новую войну, как, например, когда Деметрий захватил македонский трон в 294 году до н. э. после смерти Кассандра, когда он напал на царство Лисимаха (287 год до н. э.), или во время последнего великого сражения между Селевком и Лисимахом, которое разразилось уже после смерти Птолемея. Сам Птолемей после Ипса уже не вел войн ни с одним из царей-соперников. Он лишь принимал участие в дипломатической игре и поддерживал то одного, то другого, согласно изменчивым обстоятельствам. Династические браки время от времени дают нам указание на положение дел. Сразу же после битвы на Ипсе отношения между Птолемеем и Селевком, как мы видели, становятся натянутыми из-за возникшего спора о Келесирии, и затем происходит сближение Селевка и Деметрия, Птолемея и Лисимаха; Селевк женится на Стратонике, дочери Деметрия, а Лисимах (примерно между 300 и 298 годами до н. э.) – на Арсиное, дочери Птолемея. Затем Александр, сын Кассандра, женится на другой дочери Птолемея, Лисандре, Деметрий женится на третьей дочери, Птолемаиде (обручение около 300 года до н. э.; свадьба в 286 году до н. э.); Антигона, дочь жены Птолемея Береники в первом браке, обручается с Пирром (298–295 годы до н. э.); другая дочь Береники, Феоксена, выходит за Агафокла, правителя Сиракуз (около 300 года до н. э.); и, наконец, другой Агафокл, сын Лисимаха, берет в жены дочь Птолемея⁵⁶.

Когда Деметрий осадил Афины (296–294 годы до н. э.), Птолемей не оказал действенной помощи своим друзьям-афинянам; его флот стоял у Эгины, но не предпринял ничего, чтобы предотвратить падение города. В 287 году до н. э., когда Афины восстали против Деметрия, Птолемей прислал им 50 талантов и некоторое количество монет; но его флот снова ничего не сделал, чтобы помешать Деметрию.

Те владения за пределами Египта, которые Птолемея действительно интересовали, он возвратил себе после Ипса. Как мы видели выше, Селевк снова узнал, что Птолемей овладел Келесирией, когда явился за сирийской частью царства Антигона. Видимо, к тому времени оккупация Птолемеем Палестины была далеко не закончена. Гарнизоны Деметрия⁵⁷ еще удерживали города финикийского побережья, и, согласно одному косвенному источнику, Деметрий захватил Самарию в 296–295 годах до н. э.⁵⁸ Буше-Леклерк считает (или считал в 1903 году, когда писал том I), что владения Деметрия в Финикии и Палестине перешли в руки Селевка, а не Птолемея. Династия Птолемеев в таком случае смогла бы овладеть Палестиной окончательно (вернее, на восемьдесят лет) раньше смерти Селевка в 281 году до н. э. Буше-Леклерк основывается на заявлениях селевкидских дипломатов, сделанных в 219 году до н. э., которые заявляли о том, что на «эти области» распространяется господство (δυνάστεια) Селевка. Мне, как и большинству ученых, представляется более вероятным, что Птолемей владел Палестиной начиная со времени после битвы на Ипсе, за исключением тех мест, которые временно оставались во власти Деметрия, и что они тоже отошли к Птолемею, когда Деметрий не мог

⁵⁶ Плутарх (Деметрий, 31) сообщает, что Агафокл, сын Лисимаха, уже был женат на «дочери» Птолемея в 300 году до н. э. Павсаний (I.10.3) утверждает, что жену Агафокла звали Лисандрой. По мнению Евсевия (I.232), Лисандра, дочь Птолемея, вышла замуж за Александра, сына Кассандра (умершего в 293 году до н. э.). Если все это правда, то мы вынуждены предположить, что у Птолемея было две дочери по имени Лисандра. Если же придерживаться версии с одной Лисандрой, то мы должны предположить, что она вышла за Агафокла после смерти Александра, и в таком случае придется отвергнуть утверждение Плутарха как ложное.

⁵⁷ Плутарх. Деметрий, 32.

⁵⁸ Евсевий. Хроника, II.118.

уже больше их удерживать. «Династия» Селевка в Палестине, к которой апеллировали дипломаты Селевкидов, вполне могла быть господством, которое он фактически не осуществлял, но на которое по праву претендовал в силу раздела территорий, совершенного царями-победителями.

В 295–294 годах до н. э. Птолемей вернул себе Кипр. Кипр тоже оставался под властью Деметрия в течение шести лет после битвы на Ипсе. Оборону острова от Птолемея возглавляла отважная жена Деметрия Филадельфия, дочь Антипатра, но в конце концов на Саламине ей пришлось сдаться. Птолемей ответил с тем же благородством, которое выказал Деметрий в 306 году до н. э., и отослал Филадельфию и ее детей к Деметрию в Македонию «с подарками и почестями».

Примерно к 287 году до н. э. египетский флот снова стал господствовать в Эгейском море и вернул Птолемею протекторат над лигой Кикладских островов⁵⁹. Какое-то время (между 294 и 287 годами до н. э.?) Птолемей поддерживал близкие дружественные отношения с Милетом, который перешел под власть Лисимаха; видимо, Птолемей использовал свое влияние на союзника, чтобы обеспечить городу освобождение от уплаты налогов⁶⁰.

Античные авторы рассказывают нам кое-что о том, какую роль играл Птолемей в борьбе между мировыми державами в течение сорока лет после смерти Александра. Но когда мы задаемся вопросом, что же все это время происходило в самом Египте, наши документы не дают материала для связного повествования. Можно только делать выводы о происходивших событиях по условиям, которые впоследствии складываются в стране.

Обращаясь к этому периоду истории Египта в целом, мы видим, что главным образом его характеризует то, что теперь в Египте, вместо сравнительно однородного коренного населения, существовавшего при прежних фараонах, образуются два слоя, которые вместе населяют его землю, – верхний, состоящий из правящей европейской расы, и нижний, к которому относилась огромная масса подчиненных египтян. Таково было положение дел, встречающееся и в наши дни, ибо правивший в эллинистическом Египте народ принадлежал к греческой цивилизации, которая породила современную цивилизацию Европы, и чувство превосходства над местными жителями страны, испытываемое греками, не отличалось от того, которое «белые люди» наших дней питают к «туземцам». Между прочим, говоря о египтянах, греки обычно и употребляли слово «туземцы» (ἐγγύριοι).

Этот греко-македонский слой в Египте сложился не просто потому, что греки и македонцы спонтанно переселялись туда, влекомые природными условиями страны, как относительно недавно произошло с европейскими переселенцами, иммигрировавшими в Америку и Австралию. В Египте сознательно создавалась македонская правящая династия. Когда Птолемей после смерти Александра Великого выбрал Египет в качестве своей базы, эта страна дала ему очень многое. Он получил легко защищаемую территорию; огромные материальные богатства, как продукты местного производства, так и ввозимые по Нилу товары; Египет придал его правлению долю блеска, присущего полной чудес традиции древней страны. Но он не снабдил Птолемея всем, что ему было нужно. Он не дал Птолемею одну крайне необходимую вещь – человеческий ресурс. Да, население Египта было многочисленным, но все это были люди не той породы, люди, из которых нельзя было сделать армию, способную выстоять против войск македонских и греческих воинов, таких, какие могли выставить на поле боя Антигон и Селевк. Также Птолемею был нужен постоянный приток македонцев. Он помнил, что ядро армии, завоевавшей полмира под началом Александра, набиралось из жителей старой Македонии, всаднической аристократии, крепких копейщиков, которые в мирное время были фермерами или батраками в балканских деревнях. Теперь Птолемей был отрезан от Македонии, своей былой родины. Он задумал искусственно создать новую Македонию в этой странной и

⁵⁹ Иосский декрет, В.С.Н. XXVII (1903), с. 394 и дальше.

⁶⁰ *Rehm. Das Delphinion in Milet. S. 306, 307.*

ни на что не похожей египетской земле – слой из тысяч македонских и греческих крестьян, распределенных по всему Египту, людей, которые в мирное время будут выращивать хлеб и разводить скот на земельных участках, орошаемых Нилом, но, когда придет нужда, смогут взять в руки *сариссу*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.